

А пьют как русские!

Генеральный
спонсор
ОАО «РЖД»

РЖД

Рейтинг

Анатолий Петров (Карл, банкир) и Елена Попова (Линда, жена Карла).

ПЬЯНЫЕ

В БДТ ПРОШЛА ПРЕМЬЕРА СПЕКТАКЛЯ «ПЬЯНЫЕ», ПОСТАВЛЕННОГО АНДРЕЕМ МОГУЧИМ ПО ПЬЕСЕ ИВАНА ВЫРЫПАЕВА. ТЕАТРАЛЬНЫЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ «ВП» ПОЛАГАЕТ, ЧТО «ПЬЯНЫЕ» НЕ НАПУГАЮТ РЕВНИТЕЛЕЙ ТРАДИЦИЙ

Сцена из спектакля. На переднем плане Юлия Дейнега (Роза, проститутка).

Иван Вырыпаев, сочиняя пьесу «Пьяные», будто бы руководствовался словами Достоевского: «Судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно вздыхает». У персонажей западные имена (пьеса писалась для немецких актеров), но, читая ее, хочется воскликнуть: «А пьют как русские!»

ВСЕ ОНИ ПЬЯНЫ НАСТОЛЬКО, что еле держатся на ногах, при этом речь их пронизана — наравне с матерной лексикой — вздыханиями о высоком. Сложно понять, где автор серьезен, а где ироничен. Ты, кажется, уже проникся высказанными в пьяном угаре фразами о вере и любви, как вдруг осознаешь, что само механическое повторение этих слов выхолащивает, обесмысливает их. «Я слышу шепот Господа в своем сердце, мать твою» — эта фраза, повторяемая как мантра, отражает тот баланс между душевными откровениями и стебом, что присущ тексту Вырыпаева.

Этот текст избрал Андрей Могучий для своего второго спектакля на отреставрированной сцене БДТ, заняв актеров разных поколений: от молодых стажеров до народных артистов — Валерия Дегтяря, Марины Игнатовой и Елены Поповой. И этот спектакль стал новыми «условиями игры» как для труппы, так и для Могучего.

Во-первых, Андрей Могучий всегда тяготел к большой прозе. Он редко ставил пьесы как таковые, гораздо чаще — инсценировки или же пьесы по мотивам прозы, как в случае с «Алисой». Жестким «пьесным» компо-

зициям он предпочитал рыхлые, «непричесанные» на их фоне сочинения прозаиков. Режиссеру никогда не хотелось подчиняться логике драматурга, а хотелось смело и монтировать, и переписывать. В случае же с «Пьяными» он следует за автором, ничего не меняя. Правда, выпарен весь мат (который не просто пронизывает пьесу, а, не побоимся сказать, составляет ее мелодику), но таково уж нынче требование закона.

Во-вторых, Могучий всегда был известен как строитель вселенских сценических миров. Человек интересовал его не сам по себе, а как часть мироздания, в отношениях с Временем и Пространством. В «Пьяных» внимание зрителя целиком сосредоточено на персонажах и актерах. Этому служит и сцениграфия Александра Шишкина, установившего единую на весь спектакль конструкцию — почти что «станок» для актеров. Это планшет, наклоненный так, что всякий, стоящий на нем, должен держать равновесие, иначе скатится вниз, к рампе.

В-третьих, Вырыпаев — автор для артистов БДТ совсем непривычный. Театр, которым занимается Вырыпаев, недаром называют «театр текста». Здесь важны не ситуа-

ции, в которых действуют характеры (вырыпаевские персонажи скорее фантомы, чем люди из плоти и крови), а само слово. Вернее, особый контакт между актером и текстом, который от него, актера, находится как бы на расстоянии. В лучших спектаклях по Вырыпаеву смысл рождается где-то НАД ситуациями и где-то в лакунах между исполнителем и текстом.

Могучий поставил «Пьяных» как традиционную драму, увидел пьесу как ряд ситуаций, в которых оказываются нетрезвые люди. Артисты изображают пьяных каждый в меру своих пластических возможностей. Кто моложе, как Руслан Барабанов или Виктор Княжев, — тот делает кульбиты, кто солиднее по возрасту — покачивается при ходьбе, вычерчивая зигзаги. Порой актерская игра напоминает упражнения на «характер и характерность». Кто-то, чаще молодежь, выдает лишь ужимки и прыжки; мастерам же удается открыть в своих героях драматизм, «объем».

Но в целом вырыпаевский текст лишился философского измерения, абсурдности и юмора. Если утрачен авторский взгляд сверху, осеменяющий героев, если пьеса решена как драма характеров, она неизбежно мельчает: актерам недостает материала для ролей психологического плана. Прорывы в метафизику, совершаемые у Вырыпаева «пьяными», оборачиваются лишенными всякого обаяния сентенциями. И получается, что полубред героя Анатолия Петрова в момент «откровения свыше» напоминает прочитанный со сцены-кафедры фрагмент сухого доклада.

Недаром режиссеры, ставя пьесы Вырыпаева, стремятся сохранить характер читки, подчеркнув дистанцию между артистом и персонажем. Самый известный пример — «Июль» с Полиной Агуреевой, которая читала монолог пожилого садиста. Конечно, любая проба чего-то нового ценнее проторенных дорожек. Но ключ к пьесе не найден, отсюда и проблемы в исполнении.

В тех координатах, в которых играют здесь артисты, требуется совпадение актерской «природы чувств» с сутью персонажа. В принципе можно представить, как пьяная женщина видит, что ее муж увлекся девицей, достает трубку и наивно звонит в «03»: «Здесь мой муж ведет себя очень плохо!» Но странно видеть в такой ситуации потрясающую Марину Игнатову, трезвость ума которой очевидна для каждого (как и редкое владение собой). Тут нужна или иная актерская природа, или ироническое решение режиссера. Иронизировать на сцене Игнатова умеет как никто, но в данном случае это остается почему-то не востребуемым.

Думается, «Пьяные» — казалось, по всем параметрам неожиданные для БДТ — не напугают ревнителей традиций. Ничего нетрадиционного здесь нет, и любимые артисты не обременены авангардными новациями. Более того: спектакль явно будет иметь успех у широкой публики, которая любит сопереживать мелодраматическим историям.

Евгений АВРАМЕНКО
Фото Стаса ЛЕВШИНА, предоставлены
пресс-службой БДТ